

Лю Чжоуцзэ наконец расслабился, и на его лице тут же появилась радость:

— Обязательно нужно пойти посмотреть.

Яо Яньцин слегка усмехнулся, едва заметно обведя пальцем тонкие губы:

— Дядя совершил такое доброе дело, и, боюсь, скоро об этом узнают все. Не избежать того, что многие захотят обсудить с вами ваши благородные поступки!

Такой умный человек, как Лю Чжоуцзэ, сразу понял намёк Яо Яньцина и тут же ответил:

— Стремление к добру не знает различий в статусе. Но такие, как мы, обладающие некоторыми возможностями, должны выделить миллион-другой серебра. Это наш долг.

Улыбка Яо Яньцина стала шире. Не зря говорят, что иметь дело с умными людьми — одно удовольствие.

— Если дядя не торопится, не останетесь ли на ужин?

Лю Чжоуцзэ не осмелился остаться, чтобы не привлекать лишнего внимания, и тут же ответил:

— Не хотел бы отказываться от вашего любезного предложения, но дома у меня куча дел. Когда у вас будет время, я пришлю приглашение, чтобы вы посетили мой дом.

Получив согласие Яо Яньцина, он попрощался.

Вернувшись домой, Лю Чжоуцзэ обнаружил, что его сват Цяо Дафу уже ждал его. Узнав, что тот вернулся из дома Яо, Цяо Дафу поспешно спросил:

— Ну как? Получилось?

Лю Чжоуцзэ, который заплатил огромную сумму, не хотел, чтобы другие воспользовались его усилиями, и тут же нахмурился:

— Получилось, но мне это дорого обошлось.

Сказав это, он тяжело вздохнул.

Цяо Дафу хитро улыбнулся и, приблизившись, спросил:

— Сколько? Может, столько?

Он показал два пальца.

Лю Чжоуцзэ широко раскрыл глаза, выражая удивление:

— Не позорься. С такой суммой ты даже не войдёшь в ворота к господину Яо.

Цяо Дафу был поражён:

— Неужели нужно столько?

Он показал пять пальцев.

Лю Чжоуцзэ тяжело вздохнул, оттолкнул его руку, покачал головой, а затем понизил голос:

— Скажу тебе, но ты не должен проговориться и испортить мне дело.

Цяо Дафу закивал:

— Говори спокойно. Ты же знаешь, я человек с крепким ртом.

Лю Чжоуцзэ внутренне усмехнулся. Если его сват считался человеком с крепким ртом, то в Гуанлине таких просто не было.

— Скажу так: сумма, которую ты показал, позволит тебе только увидеть господина Яо. Если хочешь войти в дело...

Лю Чжоуцзэ поднял один палец и покачал им.

Цяо Дафу был шокирован:

— Чёрт возьми, они хотят содрать с нас три шкуры?! Ты согласился на такую сумму? У них слишком чёрные сердца!

Лю Чжоуцзэ тяжело вздохнул:

— А что делать? Сколько людей готовы заплатить такую сумму! Я только благодаря связям моего второго сына с господином Яо смог договориться. Иначе и этой суммы могло не хватить.

Цяо Дафу охнул, опустился на стул и залпом выпил несколько чашек холодного чая. Ему было жалко расставаться с такой суммой. Миллион лянов чистого серебра... Чёрт, это не просто сдиранье шкур, это выбивание даже костной муки. Они хуже, чем тот инспектор соляного надзора по фамилии Цянь.

Через несколько дней в Гуанлине поползли слухи, что Лю Чжоуцзэ пожертвовал миллион лянов чистого серебра на строительство Храма Милосердия в Сяду. Ещё через несколько дней кто-то сказал, что сумма была не миллион, а полтора миллиона. Знакомые спросили Лю Чжоуцзэ, и он ответил:

— Каждый делает, что может. Хотя у семьи Лю не так много средств, но мы не жалеем этих денег. Если можем помочь императорскому двору, то готовы пожертвовать ещё больше.

После этих слов те, у кого не было достаточных средств, отступили, а те, кто считал свои финансы сопоставимыми с состоянием Лю Чжоуцзэ, забеспокоились. Поскольку Яо Яньцин больше не проявлял активности, они обратились к префекту Вану и господину Бай, надеясь, что те замолвят за них словечко перед Яо Яньцином. Независимо от суммы, они хотели получить от него конкретный ответ.

Однако Яо Яньцин в тот момент был занят. Из Хуайиня и Нинчэна прибыли люди, отправившие приглашения в дом Яо. На этот раз Яо Яньцин согласился без промедления и отправился на ужин с четырьмя телохранителями.

«Цайчжэцзюй» был самым крупным увеселительным заведением в округе. Девушки там были красавицами с тонкими талиями, похожими на бутоны цветов ранней весны. Их смех напоминал пение жаворонков. Это место было известным в Гуанлине как «золотая яма» для любителей развлечений, где за ночь легко можно было потратить тысячу золотых. Видно было, что купцы из Хуайиня не пожалели средств, чтобы устроить приём для Яо Яньцина.

Яо Яньцин был одет в лёгкий халат из узорчатого шёлка цвета снежной сирени, на ногах — простые сапоги, на поясе — разноцветный шёлковый кушак с вышитым фениксом и нефритовым кольцом. Его чёрные, блестящие волосы были убраны в высокую причёску, украшенную нефритовой короной с жемчужинами. В руке он держал веер с золотым узором, излучая элегантность и шарм.

Хозяйка заведения, опытная в оценке гостей, сразу поняла, что у Яо Яньцина средств немало. Она с улыбкой подошла к нему:

— Господин, вы, кажется, здесь впервые. Вы, вероятно, иногородний купец? У нас девушки владеют всеми искусствами — от музыки до живописи. Какой тип вам нравится?

Яо Яньцин слегка улыбнулся тонкими губами и сложил веер:

— Гости из «Цюньфаньюань» уже прибыли?

Услышав это, хозяйка стала ещё более услужливой:

— Ах, это гости из «Цюньфаньюань». Прошу вас.

Сегодняшние гости, арендовавшие «Цюньфаньюань», были одними из самых щедрых за последние годы. Интересно, кого они удостоили таким приёмом.

Яо Яньцин слегка кивнул веером, и хозяйка провела его. Как только он вошёл в «Цюньфаньюань», навстречу вышел Го Инчуань, крупнейший торговец солью из Хуайиня. Он отпустил хозяйку и с улыбкой провёл Яо Яньцина в зал, где уже ждали четверо других гостей. Все они встали и поклонились Яо Яньцину, который слегка улыбнулся и сказал:

— Не стесняйтесь.

Го Инчуань усадил Яо Яньцина на почётное место и трижды хлопнул в ладоши. Зазвучала музыка, и в зал вошли танцовщицы, чьи изящные движения и тонкие талии завораживали. Аромат их духов наполнял воздух.

Яо Яньцин полуприкрыл узкие глаза, наслаждаясь музыкой, и слегка постукивал пальцами по колену в такт.

Го Инчуань, заметив это, улыбнулся. Когда танец закончился, он подозвал главную девушку, чтобы та налила вино. Девушка была нежной и прекрасной, с глазами, полными очарования. Она подошла с изящным изгибом талии, обнажив тонкую белую руку.

Яо Яньцин взглянул на неё с лёгкой улыбкой, но его выражение оставалось невозмутимым. Когда девушка поднесла вино к его губам, он слегка нахмурился, поднял веер и лёгким движением отстранил её руку.

Девушка удивилась, и на её лице появилось выражение лёгкой обиды.

Яо Яньцин мягко улыбнулся, но его взгляд стал холодным, когда он посмотрел на Го Инчуаня.

Го Инчуань, почувствовав холод в этом взгляде, непроизвольно вздрогнул и тут же отпустил девушку, спросив:

— Эта девушка — чистая девица из «Цайчжэцзюй». Она вам не понравилась?

Яо Яньцин ничего не ответил, только поднял бокал и отхлебнул вина. Через некоторое время он произнёс:

— Вы старались.

Го Инчуань не мог понять, что это значило. Возможно, Яо Яньцин, будучи молодым и образованным, стеснялся показать свою распущенность перед ними. Решив, что нужно выкупить эту девушку и отправить её в дом Яо, он продолжил вести беседу.

Го Инчуань опирался на поддержку Вэнь Юйхэна, члена Внутреннего кабинета, чья младшая сестра была его любимой наложницей. Поэтому торговцы солью из Хуайиня следовали за ним. Видя, что он столкнулся с сопротивлением со стороны Яо Яньцина, один из купцов по фамилии Ли сказал:

— Мы слышали, что вы, господин, прибыли на юг, чтобы собрать средства на строительство Храма Милосердия в Сяду. Мы хотели бы внести свой вклад и надеемся, что вы дадите нам такую возможность.

С этими словами он достал из-под стола резную деревянную шкатулку, открыл её и подвинул в сторону Яо Яньцина.

У автора есть что сказать: Яо Яньцин — «Пятьдесят лянов серебра за яичницу с рисом тебе не жалко, а меня, чиновника, хочешь отделаться пятьюдесятью тысячами лянов? В самом деле не считаешь меня за человека».

<http://bllate.org/book/16709/1535908>